

A detailed illustration of a kitchen scene. On the left, a man with long brown hair, wearing a black Metallica t-shirt, sits and plays an acoustic guitar. In the center, a bald man in a black t-shirt sits with his back to the viewer; a small white mouse is perched on his right shoulder. On the right, a man in a white doctor's coat with a stethoscope around his neck sits at a table. The table is set with a floral mug, a bowl of green olives, and other food items. The background shows a kitchen with various pots, pans, and a tiled wall.

АЛЕКСАНДР ТОПАЛ

ПОВЕСТЬ
О ФЕЛЬДШЕРЕ
— N-уезда —

18+

Александр Топал

Повесть о фельдшере N-уезда

<https://litres.ru/74617319>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре повести — Роман Иванович, сельский фельдшер, для которого врачебный долг не ограничивается лечением болезней. Он становится для жителей небольшого посёлка советчиком, собеседником и опорой в трудных ситуациях. Там, где не хватает лекарств, денег и понимания, его человечность порой оказывается важнее медицинских знаний.

Вместе с рассказчиком читатель погружается в жизнь провинции 1990-х годов, знакомится с необычными людьми, их странностями, мечтами, слабостями и судьбами. За юмором и нелепыми происшествиями скрываются драматические истории о дружбе, вере, зависимости и нравственном выборе.

Это искренний рассказ о противоречивой эпохе, человеческих потерях и привязанностях, которые выдерживают испытание временем. И прежде всего — о человеке, для которого чужая боль никогда не была просто чужой проблемой.

Содержание

Глава	4
ГЛАВА 1. НАЧАЛО	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Повесть о фельдшере N-езда

Глава

Моя совесть благородного рыцаря не позволяет унести с собой в Вечность повесть прошлых лет, не рассказав о ней тебе, мой дорогой читатель!

Всё, о чём пойдёт речь ниже, может ранить чуткие детские души, поэтому эта повесть предназначена только для взрослых читателей. Возрастная категория — 18+.

Упоминания алкоголя, табака и наркотических веществ носят в повести повествовательный, документально-бытовой характер. Автор не приветствует и не пропагандирует их употребление, а показывает связанные с ними последствия без романтизации.

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

Однажды, в начале 1990-х годов, я неспешно прогуливался по городскому парку и заметил на лавочке молодого человека, утомлённого — то ли алкоголем, то ли ганджубасом. Сквозь солнцезащитные очки он смиренно смотрел на старое здание городского отдела внутренних дел — тогда ещё милиции. В его позе был какой-то странный покой, словно человек пришёл не просто посидеть, а вернуться взглядом в кусок собственной жизни.

Мы были знакомы по медицинскому училищу, где оба могли получить специальность военного фельдшера. Разница в возрасте между нами составляла всего год.

Крепкой дружбы тогда не наблюдалось: у него были свои приоритеты, а я дружил с ребятами, близкими мне по интеллектуальному духу. Впоследствии, вспоминая те годы, я понял, что молодость вообще редко спрашивает, с кем именно нас свяжет жизнь и какие встречи спустя десятилетия вдруг окажутся важными.

Один из таких «друзей» — Тарас. После учёбы в медучилище мы вместе ездили домой на дизеле, который ходил с точки А в точку П.

Однажды, любуясь преподавательницей латинского языка, чей наряд для того времени казался довольно открытым и вызывал у многих студентов откровенно эротический ин-

терес, я в очередной раз убедился, насколько странно устроена юность. Мальчики могли поступать на фельдшера после окончания восьми классов, то есть многим было всего по пятнадцать-шестнадцать лет. Учебники показывали человеческое тело во всех анатомических подробностях, а собственные гормоны добавляли к этим страницам то, чего авторы учебников явно не планировали.

Половое воспитание в школах тогда отсутствовало, да и о сексе в стране говорили почти как о чём-то несуществующем. Вспоминается известная фраза участницы телемоста Ленинград — Бостон, администратора гостиницы «Ленинград» и члена Комитета советских женщин Людмилы Николаевны Ивановой: «Ну, секса у нас нет, и мы категорически против этого».

Теперь, думаю, читатель лучше понимает эпоху, в которой проходила моя молодость: официально правильную, а в действительности куда более живую, противоречивую и далёкую от лозунгов.

После учёбы мы с Тарасом зашли в дизель, который с минуты на минуту должен был отправляться. Мой коллега «по парте», войдя в салон, громко сказал — точнее, объявил:

Natura sanat, medicus curat morbos! Что в переводе с латыни означает: «Природа оздоравливает, врач лечит болезни».

Люди, сидевшие в дизеле и томно смотревшие в окна, явно не ожидали такой команды и, разумеется, не поняли из неё ровным счётом ничего.

Не успев «отойти» от первого шока, вагон услышал вторую фразу: *Radices litterarum amarae sunt, fructus dulces* — «Корни учения горьки, плоды его очень приятны». Кто именно орал на весь вагон, с первого раза было непонятно, поэтому на Тараса и меня смотрели как на двоих дебилов. Я испытывал непередаваемый дискомфорт, но благодаря однокурснику ситуация быстро выровнялась: взгляды окончательно переключились с меня на него. Поезд тронулся — и мы вместе с ним.

Такие друзья-товарищи составляли значительную часть моего окружения. Единственный плюс этой дружбы заключался в том, что все они были здоровее меня — то есть крепче и сильнее, а я был щупленьким и интеллигентным мальчишкой. Второй мой «коллега-друг», Виктор, был выше меня ростом — а мой рост, на минуточку, составлял 186 сантиметров. К тому же Виктор занимался боксом и борьбой. Всякий раз, здороваясь и обнимая меня, он будто мог собрать меня в один крепкий узел. Я только переживал, чтобы после очередных объятий у меня осталась целой спина.

Сейчас, спустя десятилетия, на это смотришь с улыбкой. Но тогда... тогда многое ощущалось иначе.

15 февраля 1989 года советские войска окончательно покинули территорию Афганистана, и многие матери с облегчением вздохнули, дождавшись сыновей с войны. Но война привезла Советскому Союзу из Афганистана не только официальную победу, но и проблемы, о которых вслух говорили

далеко не сразу.

Ещё в раннем деревенском детстве я помню, как бабушка посылала меня в лесопосадку нарвать конопляных шишек для корма кур — после этого они хорошо неслись. После «Афганистана» у нас исчезло почти всё, что хоть как-то могло намекнуть на наркотики: конопля, маки и многое другое. Мы понятия не имели о том, что некоторые растения можно использовать совсем иначе — чтобы вызвать изменение состояния сознания. Теперь, спустя годы, я понимаю, насколько опасной может быть такая безобидная на первый взгляд граница между любопытством и зависимостью.

Если в 1980-х годах активно боролись с самогонованием, то в 1990-х на первый план вышла борьба с наркоманией.

Многие употреблявшие запрещённые вещества оправдывали это рассуждениями вроде: ганджубас — «не наркотик», потому что якобы не вызывает зависимости, а вот внутривенные наркотики — уже настоящая беда, и этого лучше избегать. Такое разделение, конечно, было самообманом: человек постепенно привыкал искать не саму жизнь, а её искусственную подмену.

Так, оправдывая своё влечение к доступному наркотическому эффекту, человек постепенно мог втянуться в пагубную зависимость. Курили, а на молодёжном сленге говорили: «накуривались». Тогда такое случалось среди самых разных возрастов.

Я вспоминаю случай, когда мы с молодёжью поздно вече-

ром сидели на автобусной остановке. К нам подошёл мужчина из нашего посёлка и попросил закурить. Ребята «в шутку» дали ему папиросу, набитую смесью конопли и табака. На следующий вечер мужчина снова пришёл к ребятам и попросил именно «ту самую сигарету», которой его угостили накануне. Шутка закончилась в тот момент, когда стало ясно: человек захотел повторить вызванное ею состояние.

Но не всё было так категорично: среди нас, молодёжи, находились и «приверженцы старых традиций» — алкоголя. Когда им предлагали заменить одно другим, они с гордостью говорили, что ганджубас их «не берёт», а вот самогон — это другое дело. Одно зло не вытесняло другое: просто состояние человека менялось иначе, а последствия всё равно оставались печальными.

Закон тогда занимал шаткую позицию, потому что и сами милиционеры иногда «баловались» конфискатом. Так замыкался порочный круг: борьба с зависимостью сталкивалась с человеческой слабостью, а закон — с теми, кто должен был его обеспечивать.

И, пожалуй, именно с этого ощущения противоречивого времени — когда за внешней правильностью прятались страх, любопытство, слабость, юмор и желание выжить — и начинается моя повесть о фельдшере N-езда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.